

ГЛАВА XXV

Управление и смерть Иовиана. —
Избрание Валентиниана, который берет
в соправители своего брата Валента и окончательно
отделяет Восточную империю от Западной. —
Восстание Прокопия. — Светское и церковное
управление. — Германия. — Британия. — Африка. —
Восток. — Дунай. — Смерть Валентиниана. —
Его два сына, Грациан и Валентиниан II,
получают в наследство Западную империю

Состояние церкви. 363 год. Смерть Юлиана оставила общественные дела империи в очень сомнительном и опасном положении. Римская армия была спасена постыдным, хотя, быть может, и необходимым мирным договором, а первые минуты после его заключения были посвящены благочестивым Иовианом восстановлению внутреннего спокойствия и в церкви, и в государстве. Его опрометчивый предместник разжигал религиозную вражду, которую он лишь с виду как будто старался утишить, а его кажущееся старание сохранить равновесие между враждующими партиями лишь поддерживало борьбу, внушая попеременно то надежды, то опасения, — то поощряя притязания, основанные на древности прав, то поощряя те, которые основывались лишь на монаршей милости. Христиане позабыли о настоящем духе Евангелия, а язычники впитали в себя дух христианской церкви. В семьях частных людей природные чувства были заглушены слепой яростью фанатизма и мстительности; законы или нарушались, или употреблялись во зло; восточные провинции были запятнаны кровью, и самыми непримиримыми врагами империи были ее собственные граждане. Иовиан был воспитан в христианской вере, и во время его перехода из Нисибина в Антиохию во главе легионов был снова развернут Лабарум Константина с знаменем креста, возвещавшим народу

о религии его нового императора. Тотчас после своего вступления на престол он обратился ко всем губернаторам провинций с циркулярным посланием, в котором признавал себя приверженцем евангельского учения и обеспечивал легальное утверждение христианской религии. Коварные эдикты Юлиана были отменены; церковные привилегии были восстановлены и расширены, и Иовиан снизошел до выражения сожалений, что стеснительные обстоятельства заставляют его уменьшить размеры общественных подаваний. Христиане были единодушны в громких и искренних похвалах, которыми они осыпали благочестивого Юлианова преемника. Но они еще не знали, какой Символ веры или какой собор будет им избран за образец для православия, и безопасность церкви немедленно снова ожила те горячие споры, которые замолкли в эпоху гонения. Епископы, стоявшие во главе враждующих между собой сект, зная по опыту, в какой степени их судьба будет зависеть от первых впечатлений, которые будут произведены на ум необразованного солдата, спешили ко двору в Эдессу или в Антиохию. Большие дороги восточных провинций были покрыты толпами епископов — и приверженцев *homoousion*¹, и приверженцев Евномия, и арианских, и полуарианских, — старавшихся опередить друг друга в этом благочестивом состязании; дворцовые апартаменты огласились их громкими спорами, и слух монарха был обеспокоен и, может быть, удивлен странной смесью метафизических аргументов с горячей бранью.

Умеренность Иовиана, советовавшего им жить в согласии, заниматься делами милосердия и ждать разрешения спорных вопросов от будущего собора, была принята за доказательство его равнодушия; но его привязанность к Никейскому Символу веры в конце концов явно обнаружилась в его уважении к *небесным*² добродетелям великого Афанасия. Этот неустрашимый ветеран христианской веры, уже будучи семидесятилетним старцем, вышел из своего убежища при первом известии о смерти тирана. Он

---

¹ Подробнее о Лабаруме Константина и понятии *homoousion* см. гл. XXI. (Примеч. ред., далее — Ред.)

² Слово *небесные* слабо выражает нечестивую и чрезмерную лесть императора в отношении к архиепископу. (Примеч. автора, далее — Г.)

снова вступил при радостных криках народа на свой архиепископский трон и имел благоразумие принять или предупредить приглашение Иовиана. Почтенная наружность Афанасия, его хладнокровное мужество и вкрадчивое красноречие оправдали репутацию, которую он прежде того приобрел при дворах четырех царствовавших один вслед за другим монархов. Лишь только он успел приобрести доверие и укрепить религиозные верования христианского императора, он возвратился с торжеством в свою епархию и еще в течение десяти лет¹ руководил с зрелой мудростью и неослабной энергией духовным управлением Александрии, Египта и Католической церкви.

Иовиан провозглашает всеобщую веротерпимость. Когда самая незначительная сила толкает и направляет предмет по той покатости, по которой его заставляют стремиться вниз его физические особенности, эта сила действует с неотразимым могуществом, а Иовиан имел счастье усвоить именно те религиозные мнения, которые поддерживались и духом времени, и усердием многочисленных приверженцев самой могущественной секты. В его царствование христианство одержало легкую и прочную победу, и лишь только гений язычества, восстановленный в своих правах и поддержанный безрассудными хитростями Юлиана, перестал быть предметом нежной монаршей заботливости, он безвозвратно превратился в прах. Во многих городах языческие храмы или были заперты, или опустели; философы, злоупотреблявшие кратковременным монаршим благоволением, сочли благоразумным сбрить свои бороды и не обнаруживать своей профессии, а христиане радовались тому, что теперь они могут или прощать обиды, вынесенные в предшествовавшее царствование, или отмщать за них. Иовиан рассеял страх язычников изданием благоразумного и милостивого эдикта о терпимости, в котором объявил, что, хотя будет строго наказывать за святотатственное искусство магии, его подданные могут свободно и безопасно исполнять обряды старинного богослужения.

---

¹ Время его смерти неизвестно в точности. Но предположение, указывающее на 2 мая 373 г., подтверждается достоверной историей его жизни. (Г.)

Его отбытие из Антиохии в октябре 363 года. Возвратившиеся в Антиохию римские войска совершили в течение семи месяцев переход в тысячу пятьсот миль, во время которого они выносили все лишения, каким могут подвергать война, голод и жаркий климат. Несмотря на их заслуги, на их усталость и на приближение зимы, трусливый и нетерпеливый Иовиан дал людям и лошадям только шестинедельный отдых. Император не мог выносить нескромных и коварных насмешек со стороны антиохийского населения. Ему хотелось как можно скорее вступить в обладание константинопольским дворцом и предотвратить честолюбивые попытки соперников, которые могли бы захватить в его отсутствие власть над европейскими провинциями. Но он скоро получил приятное известие, что его власть признана на всем пространстве между Фракийским Боспором¹ и Атлантическим океаном. Первым письмом, отправленным из лагеря в Месопотамии, он поручил военное командование в Галлии и Иллирии Малариху, храброму и преданному военачальнику из нации франков, и своему тестю комиту Луциллиану, выказавшему свое мужество и искусство при защите Нисибина. Маларих отклонил от себя это назначение, находя, что оно ему не по силам, а Луциллиан был убит в Реймсе во время неожиданно вспыхнувшего мятежа батавских когорт. Но умеренность главного начальника кавалерии Иовина, позабывшего о намерении императора устранить его от службы, скоро смирила мятежников и упрочила поколебленную покорность солдат. Присяга в верности была принесена при громких изъявлениях преданности, и депутаты от западных армий приветствовали своего нового государя, в то время как он спускался с Тавра, направляясь в город Тиану, в Каппадокию.

Иовиан вместе со своим малолетним сыном принимает звание и отличия консульской должности 1 января 364 года. Из Тианы Иовиан продолжал свое торопливое шествие в главный город провинции Галатия Анкиру², где он принял вместе со своим малолетним сыном звание и отличия консульского звания. Незначительный город Да-

---

¹ *Боспор Фракийский* — древнегреческое название пролива Босфор. (Ред.)

² *Анкира* — древнегреческое наименование Анкары. (Ред.)

дастана, находившийся почти на одинаковом расстоянии от Анкиры и от Nikeи¹, сделался роковым пределом и его путешествия, и его жизни.

Смерть Иовиана. После сытного и, может быть, не в меру обильного ужина он лег спать, а на следующий день его нашли мертвым в его постели. Причину этой внезапной смерти объясняли различно. Одни приписывали ее расстройству желудка, происшедшему или от чрезмерного количества вина, выпитого им накануне, или от дурного качества съеденных им грибов. По словам других, он задохся во время сна от чада, который производили вредные испарения, выходявшие из сырой штукатурки стен той комнаты, где он спал. Подозрения в отраве и убийстве были основаны лишь на том факте, что не было произведено правильного следствия о смерти монарха, царствование и имя которого были скоро позабыты. Тело Иовиана было отправлено в Константинополь для погребения рядом с его предместниками; эту печальную процессию повстречала на пути находившаяся в супружестве с Иовианом дочь комита Луциллиана Харито, которая еще оплакивала недавнюю смерть своего отца и спешила осушить свои слезы в объятиях своего царственного супруга. К ее отчаянию и скорби присоединились заботы, внушаемые материнской привязанностью. За шесть недель перед смертью Иовиана ее малолетний сын был посажен на курульное кресло, украшен титулом *Nobilissimus* и облечен в пустые отличия консульского звания. Царственный юноша, получивший от своего деда имя Варрониана, не успел насладиться выпавшим на его долю счастьем, и только недоверчивость правительства напомнила ему, что он был сын императора. Через шестнадцать лет после того он еще был жив, но уже его лишили одного глаза, а его огорченная мать ежеминутно ожидала, что из ее рук вырвут эту невинную жертву и, предав ее смерти, успокоят подозрительность царствующего государя.

Междоусобица. После смерти Иовиана Римская империя оставалась в течение десяти дней без повелителя. Министры и военачальники по-прежнему собирались на совещания, исполняли свои обычные обязанности, поддерживали общественный порядок и спокойно довели армию

---

¹ *Никея* — современный Изник в Турции. (Ред.)

до города Никеи в Вифинии, где должно было происходить избрание нового императора¹. На торжественном собрании гражданских и военных сановников империи диадема была еще раз единогласно предложена префекту Саллюстию. Ему принадлежит та слава, что он вторично отказался; а когда добродетели отца послужили предлогом для подачи голосов в пользу его сына, он с твердостью бескорыстного патриота объявил избирателям, что отец по причине своих преклонных лет, а сын по причине своей юношеской неопытности одинаково не способны нести тяжелое бремя управления. Было предложено несколько других кандидатов, и все они были поочередно отвергнуты, потому что или их характер, или их положение вызывали возражения; но лишь только было произнесено имя Валентиниана, достоинства этого военачальника соединили в его пользу все голоса, и его избрание было одобрено самим Саллюстием.

Избрание и характер Валентиниана. Валентиниан был сын комита Грациана, который был родом из Цибала², в Паннонии, и благодаря своей необычайной физической силе и ловкости возвысился из низкого звания до военного командования в Африке и Британии, а затем оставил службу с большим состоянием и с сомнительным бескорыстием. Впрочем, высокое положение и заслуги Грациана облегчили его сыну первые шаги на служебном поприще и доставили ему с ранних лет возможность выказать те солидные и полезные качества, которые возвысили его над обыкновенным уровнем его сослуживцев. Валентиниан был высок ростом и имел приятную и величественную наружность. Его мужественная осанка, в которой отражались и ум, и душевная бодрость, внушала его друзьям уважение, а его врагам — страх, и вдобавок к своей неустрашимости он унаследовал от отца крепкое и здоровое телосложение. Благодаря привычке к целомудрию и умеренности, которая сдерживает физические влечения и усиливает ум-

---

¹ Филосторгий (Церковная история, кн. 8, гл. 8) приписывает избрание Валентиниана префекту Саллюстию, главнокомандующему Аринфею, начальнику дворцовой стражи Дагалайфу и патрицию Дациану, настоятельные рекомендации которого из Анкиры имели решающее влияние на исход выборов. (Г.)

² Цибал — современный город Винковци в Хорватии. (Ред.)

ственные способности, Валентиниан умел сохранить уважение к самому себе и внушить уважение другим. Свойственные людям военной профессии развлечения отклонили его в молодости от занятий литературой; он не был знаком ни с греческим языком, ни с правилами риторики; но так как его уму была несвойственна робкая нерешительность, то он был способен в случае надобности выражать свои твердые убеждения с легкостью и уверенностью. Он не изучал никаких законов, кроме законов военной дисциплины, и скоро обратил на себя внимание неутомимым усердием и непреклонной строгостью, с которыми он исполнял и заставлял других исполнять воинские обязанности. В царствование Юлиана он рисковал впасть в немилость, открыто выражая свое презрение к господствовавшей в то время религии, а из того, как он вел себя впоследствии, как кажется, можно заключить, что его нескромность и неуместная нестесняемость были последствием не столько его преданности христианству, сколько его воинской смелости. Впрочем, Юлиан прощал ему это и оставлял его на службе, потому что ценил его личные достоинства, а во время столь разнообразных событий персидской войны он еще упрочил хорошую репутацию, уже приобретенную им на берегах Рейна. Быстрота и успех, с которыми он исполнил одно важное поручение, доставили ему милостивое расположение Иовиана и почетное начальство над второй *когортой*, или ротой, щитоносцев, входившей в состав дворцовой стражи. После выступления с армией из Антиохии Валентиниан прибыл на стоянку в Анкиру, когда к нему пришло неожиданное приглашение — без всякого с его стороны преступления или интриги — принять на себя, на сорок третьем году от рождения, абсолютное владычество над Римской империей.

Он признан войском. Приглашение от собравшихся в Никее министров и военачальников не имело большого значения, пока оно не было одобрено армией. Престарелый Саллюстий, знавший по опыту, что решения многочисленных соборщ нередко бывают прихотливы и совершенно неожиданны, предложил, чтобы всем тем, кто по своему рангу мог бы набрать за себя целую партию, было запрещено под страхом смерти появляться в публике в день возведения нового императора на престол. А между тем си-

ла старинных суеверий еще так была велика, что к этому опасному промежутку времени был добровольно прибавлен целый день, оттого что это был добавочный день високосного года. Наконец, когда настал такой час, который находили благоприятным, Валентиниан появился на высоком трибунале; собравшиеся одобрили столь благоразумный выбор, и новый монарх был торжественно облечен в диадему и порфиру среди радостных возгласов войск, расставленных в правильном порядке вокруг трибунала. Но когда он простер свою руку, чтобы дать знать, что хочет обратиться с речью к армии, в рядах послышался оживленный ропот, который мало-помалу разросся до громкого и повелительного требования, чтобы он безотлагательно выбрал соправителя. Неустрашимое хладнокровие Валентиниана восстановило тишину и заставило почтительно выслушать следующие слова, с которыми он обратился к собравшимся: «Несколько минут тому назад от вас, мои ратные товарищи, зависело оставить меня в моей скромной неизвестности. Заключив по моей прошлой жизни, что я достоин верховной власти, вы возвели меня на престол. Теперь уже ни на ком другом, как на *мне*, лежит обязанность заботиться о безопасности и интересах республики. Владычество над целым миром есть, бесспорно, слишком тяжелое бремя для слабого смертного. Я сознаю, что моим способностям есть предел и что моя жизнь не обеспечена, и потому я не только не буду отклонять содействие достойного соправителя, но буду с нетерпением искать его. Однако в тех случаях, когда раздоры могут быть губительны, выбор верного товарища требует зрелого и серьезного суждения; оно и будет предметом моей заботливости. А вы должны вести себя с покорностью и благоразумием. Идите же по вашим квартирам, освежите ум и физические силы и ожидайте обычных подарков по случаю восшествия на престол нового императора».

Удивленные войска были проникнуты разнообразными чувствами гордости, удовольствия и страха; они по тону узнали в Валентиниане своего повелителя. Их гневные возгласы перешли в безмолвную покорность, и окруженный орлами легионов и знаменами кавалерии и пехоты Валентиниан отправился с воинственной пышностью в никейский императорский дворец. Однако, так как он сознавал

необходимость предотвратить всякое опрометчивое заявление со стороны солдат, он созвал начальников армии на совещание; их действительные чувства были вкратце выражены Дагалайфом с благородной откровенностью. «Великий государь, — сказал он, — если вы заботитесь только о вашем семействе, то у вас есть брат; если же вы любите республику, то поищите между теми, кто вас окружает, самого достойного из римлян». Император, скрыв свое удовольствие, но не изменив своих намерений, направился медленными переездами из Никеи в Никомедию и Константинополь.

Он назначает своего брата Валента соправителем. В одном из предместий этой столицы он через тридцать дней после своего собственного возвышения дал титул августа своему брату Валенту, а так как самые отважные патриоты были уверены, что их сопротивление, не доставив никакой пользы их отечеству, окажется лишь губительным для них самих, то его безусловное приказание было принято с безмолвной покорностью. Валенту было в ту пору тридцать пять лет, но он еще не имел случая выказать своих дарований ни на военном, ни на гражданском поприще, а его характер не обещал ничего хорошего. Он обладал только одним качеством, которое располагало к нему Валентиниана и которое поддерживало внутреннее спокойствие империи, — искренней и признательной привязанностью к своему благодетелю, превосходство ума и авторитет которого он смиренно и охотно признавал при всех обстоятельствах своей жизни.

Окончательный раздел Восточной и Западной империи в июне 364 года. Прежде чем приступить к делению провинций, Валентиниан ввел преобразования в управлении империей. Подданные всех званий, претерпевшие обиды или притеснения в царствование Юлиана, получили дозволение публично заявлять свои жалобы. Всеобщее молчание засвидетельствовало незапятнанную честность префекта Саллюстия, и его настоятельные просьбы о дозволении удалиться от государственных дел были отвергнуты Валентинианом с самыми лестными выражениями дружбы и уважения. Но между любимцами покойного императора было немало таких, которые употребляли во зло его легковерие или суеверие и которые уже не могли ожидать

защиты ни от монаршего благоволения, ни от суда. Дворцовые министры и губернаторы провинций были большей частью уволены со своих должностей; но из толпы виновных Валентиниан выделил тех военачальников, которые отличались выдающимися достоинствами, и вообще вся эта реформа, несмотря на протесты, вызванные рвением и личной злобой, была исполнена с надлежащим благоразумием и умеренностью. Празднества по случаю нового воцарения были на короткое время прерваны внезапной и внушавшей подозрения болезнью обоих монархов, но лишь только их здоровье поправилось, они выехали в начале весны из Константинополя. В замке или дворце Медианском, только в трех милях от Наисса, они совершили формальное и окончательное разделение Римской империи. Валентиниан предоставил своему брату богатую *восточную* префектуру от нижнего Дуная до границ Персии, а под своим непосредственным управлением оставил воинственные префектуры *Иллирийскую, Италийскую и Галльскую* от оконечностей Греции до Каледонского вала и от этого последнего до подножия Атласских гор. Провинциальное управление было оставлено на прежних основаниях, но для двух верховных советов и двух дворов пришлось удвоить число военачальников и должностных лиц; при распределении должностей были приняты в соображение личные достоинства и положение кандидатов, и вскоре вслед за тем были учреждены семь должностей главных начальников как в кавалерии, так и в пехоте. Когда это важное дело было дружески улажено, Валентиниан и Валент обнялись в последний раз. Западный император избрал для своей временной резиденции Милан, а восточный император возвратился в Константинополь, чтобы вступить в управление пятьюдесятью провинциями, говорившими на языках, совершенно ему непонятных.

Возмущение Прокопия в сентябре 365 года. Спокойствие Востока было скоро нарушено восстанием, и могущество Валента было поколеблено смелой попыткой соперника, единственное достоинство и единственное преступление которого заключались в его родстве с императором Юлианом¹. Прокопий быстро возвысился из скромного зва-

---

¹ Мать *Прокопия*, возможно, была сестрой матери Отступника Василины и его дяди комита Юлиана. (Г.)

ния трибуна до главного начальства над всей армией, стоявшей в Месопотамии; общественное мнение уже указывало на него как на преемника монарха, у которого не было наследников по рождению, а его друзья или его враги распустили неосновательный слух, будто Юлиан возложил на Прокопия императорскую порфиру перед алтарем Луны в Каррах. Он постарался обезоружить недоверчивость Иовиана своей почительностью и покорностью, сложил с себя без всякого протеста военное командование и удалился с женой и семейством в обширное поместье, которым владел в Каппадокийской провинции. Его полезные и невинные хозяйственные занятия были прерваны появлением офицера с отрядом солдат, которому было приказано от имени его новых монархов Валентиниана и Валента отправить несчастного Прокопия или в вечное тюремное заключение, или на позорную смерть. Не дозволяя себе никаких возражений против императорского приказания, он попросил несколько минут свободы, чтобы проститься с плачущей семьей, и, в то время как роскошное угощение усыпило бдительность его сторожей, он ловко ускользнул от них, добрался до берегов Эвксинского моря¹, а оттуда достиг провинции Боспор. В этой отдаленной стране он провел несколько месяцев, вынося все страдания, причиняемые ссылкой, одиночеством и нуждой; его склонность к меланхолии увеличивала тягость его положения, а его ум волновали основательные опасения, что в случае, если как-нибудь сделается известным его настоящее имя, вероломные варвары нарушат правила гостеприимства без всяких угрызений совести. В минуту раздражения и отчаяния Прокопий сел на купеческий корабль, отправлявшийся в Константинополь, и смело решился заявить притязание на императорское звание, потому что ему не дозволяли пользоваться безопасностью в звании подданного. Сначала он бродил по деревням Вифинии, постоянно переменяя места убежища и свой костюм. Потом он стал все чаще и чаще пробираться в столицу, верил свою жизнь и свою судьбу преданности двух друзей, одного сенатора и одного евнуха, и начал питать некоторые надежды на успех, когда

---

¹ *Эвксинское море*, или Эвксинский Понт, — древнегреческое название Черного моря. (Ред.)

узнал, в каком положении находились в ту пору общественные дела. В массе населения распространился дух недовольства: оно сожалело о неблагоприятном увольнении Саллюстия от управления восточной префектурой, так как ценило его беспристрастие и дарования. Оно питало презрение к характеру Валента, который был суров без энергии и слаб без человеколюбия. Оно опасалось влияния его тестя, патриция Петрония, — жестокого и жадного министра, строго взыскивавшего все недоимки, какие оставались неуплаченными со времени царствования императора Аврелиана.

Все благоприятствовало замыслам узурпатора. Неприязненные действия персов потребовали личного присутствия Валента в Сирии; от Дуная до Евфрата войска были в движении, и столица была постоянно наполнена солдатами, то направлявшимися за Фракийский Боспор, то возвращавшимися оттуда. Две галльские когорты склонились на тайные предложения заговорщиков, поддержанные обещанием щедрой награды, и, так как между ними еще сохранилось уважение к памяти Юлиана, охотно согласились поддерживать наследственные права его обиженного родственника. На рассвете они выстроились в боевом порядке вблизи бань Анастасии, и Прокопий, одетый в пурпуровую мантию, которая была более прилична для гаера, чем для монарха, как будто восстал из мертвых, появившись во главе их в самом центре Константинополя. Солдаты, уже подготовленные к его встрече, приветствовали своего дрожащего от страха монарха радостными возгласами и клятвами в преданности. Их число скоро увеличилось толпой грубых крестьян, собранных из окрестностей города, и охраняемый своими приверженцами Прокопий направился сначала к трибуналу, потом в сенат и наконец в императорский дворец. В первые минуты своего бурного царствования он был удивлен и испуган мрачным безмолвием народа, который или не понимал причины этой перемены, или опасался ее последствий. Но в ту минуту его военных сил было достаточно, для того чтобы сломить всякое сопротивление; недовольные стали массами стекаться под знамя мятежа; бедных воодушевляла надежда, а богатых пугала опасность всеобщего грабежа, и неисправимое легкоеверие толпы было еще раз введено в заблуж-

дение обещаниями выгод, которые она получит от революции. Должностные лица были арестованы; двери тюрем и арсеналов были взломаны; заставы и вход в гавань были заняты бунтовщиками, и в несколько часов Прокопий сделался абсолютным, хотя и непрочным хозяином императорской столицы. Узурпатор воспользовался таким неожиданным успехом с некоторым мужеством и ловкостью. Он стал искусно распространять слухи и мнения, которые были всего более благоприятны для его интересов, и обманывал население, часто давая аудиенции мнимым послам от самых отдаленных наций. Значительные отряды войск, стоявшие в городах Фракии и в крепостях нижнего Дуная, были мало-помалу вовлечены в восстание, а начальники готов согласились доставить константинопольскому монарху подкрепление из нескольких тысяч вспомогательных войск. Его военачальники переправились через Боспор и без больших усилий подчинили ему безоружные, но богатые провинции Вифинии и Азии.

Город и остров Кизик подпал под его власть после личной обороны; знаменитые легионы юпитерцев и геркулианцев перешли на сторону узурпатора, которого они были обязаны низвергнуть, и так как к ветеранам постоянно присоединялись вновь набранные рекруты, то Прокопий скоро очутился во главе такой армии, которая по своей храбрости и по своей многочисленности казалась способной выдержать предстоявшую борьбу. Сын Хормизда — храбрый и даровитый юноша — согласился обнажить свой меч против законного повелителя Востока, и этот персидский принц был немедленно облечен старинными и чрезвычайными полномочиями римского проконсула¹. Брачный союз с вдовой императора Констанция Фаустиной, вверившей узурпатору и свою собственную судьбу, и судьбу своей дочери, придал партии мятежников вес и достоинство в глазах народа. Принцесса Констанция, которой было в ту пору около пяти лет, следовала за армией на носилках. Ее приемный отец показывал ее толпе, держа на своих руках, и всякий раз, как ее проносили по рядам ар-

---

¹ Персидский принц вышел из дела с честью и впоследствии (в 380 г.) снова получил ту же чрезвычайную должность проконсула. (Г.)

мии, нежная преданность солдат воспламенялась до того, что переходила в воинственное одушевление¹; они вспоминали о славе Константинова рода и с шумными выражениями преданности заявляли, что готовы пролить последнюю каплю своей крови в защиту царственного ребенка.

Его поражение и смерть в мае 366 года. Между тем Валентиниан был встревожен и испуган неопределенными слухами о восстании на Востоке. Война, которую он вел с германцами, заставила его ограничиться безотлагательной заботой о безопасности своих собственных владений, а так как все способы сообщений были прерваны, то он с нерешительностью и беспокойством прислушивался к усердно распускаемым слухам, будто поражение и смерть Валента оставили Прокопия единственным хозяином восточных провинций. Валент был жив; но, когда он получил из Кесарии известие о восстании, он пришел в отчаяние за свою жизнь и свою судьбу, вознамерился вступить в переговоры с узурпатором и обнаружил тайное намерение отречься от престола. Трусливый монарх был спасен от унижения и гибели твердостью своих министров, а их дарования скоро покончили междуособную войну в его пользу. В эпоху внутреннего спокойствия Саллюстий безропотно отказался от своей должности, но, лишь только стала грозить государству опасность, он из благородного честолюбия пожелал принять деятельное участие в трудах и опасностях, и возвращение этому добродетельному министру звания восточного префекта было первым шагом, засвидетельствовавшим раскаяние Валента и удовлетворившим общественное мнение. Владычество Прокопия, по-видимому, опиралось на могущественные армии и покорные провинции. Но многие из высших должностных лиц, как военных, так и гражданских, устранились от преступного предприятия или из чувства долга, или из личных интересов, или же с целью выждать удобную минуту, чтобы выдать узурпатора. Лупицин спешил усиленными переходами во главе сирийских легионов на помощь к Валенту. Аринфей, превосходивший всех героев того времени физической силой, красотой и мужеством, напал с не-

---

¹ Эта малолетняя бунтовщица была впоследствии женой императора Грациана, но умерла в молодых годах, не оставив детей. (Г.)

большим отрядом на превосходящие силы бунтовщиков. Когда он увидел в рядах неприятеля солдат, когда-то служивших под его начальством, он громким голосом приказал им схватить и выдать их мнимого начальника, и таково было влияние его гения, что это необыкновенное приказание было немедленно исполнено.

Почтенный ветеран времен Константина Великого Арбецион, который был почтен отличиями консульского звания, склонился на убеждения покинуть свое уединение и еще раз вести армию на поле брани. В пылу сражения он спокойно снял свой шлем, прикрывавший седую голову и почтенную наружность, обратился к солдатам Проккопия с нежными названиями детей и товарищей и стал убеждать их покинуть преступное дело презренного тирана и последовать за своим старым начальником, так часто водившим их к славе и победе. В двух сражениях при Фиа-тире и Наколии¹ несчастный Проккопий был покинут своими войсками, которые увлеклись советами и примером своих вероломных офицеров. Пробродив некоторое время по лесам и горам Фригии, он был выдан своими упавшими духом приверженцами, отправлен в императорский лагерь и немедленно обезглавлен. Его постигла обычная участь не имевших удачи узурпаторов; но жестокости, совершенные победителем под внешней формой правосудия, возбудили общее сострадание и негодование.

Строгое преследование чародейства в Риме и Антиохии. 373 год. Искусство чародейства было осуждено у римлян и общественным мнением, и законами, но так как оно имело целью удовлетворять самые непреодолимые страсти человеческого сердца, то оно постоянно за-прещалось и постоянно было в употреблении. Воображаемая причина может порождать самые серьезные и самые пагубные последствия. Тайные предсказания смерти императора или успеха заговора делались только с той целью, чтобы ободрить надежды честолюбия и ослабить узы преданности, и эти преступные попытки чародейства вызывали действительные преступления измены и свято-

---

¹ *Фиатира* — город в Лидии, *Наколия* располагалась во Фригии. (Ред.)

татства¹. Такие воображаемые ужасы нарушали спокойствие общества и благополучие граждан, и невинное пламя, заставлявшее мало-помалу таять восковую фигуру, приобретало очень большую и пагубную силу благодаря напуганному воображению того, кто был изображен этой фигурой. От употребления тех трав, которым приписывали сверхъестественное действие, уже не велик был шаг до употребления более сильных отрав, и людское безрассудство нередко делалось орудием и прикрытием самых ужасных преступлений. Лишь только министры Валента и Валентиниана стали поощрять усердие доносчиков, им пришлось выслушивать обвинения и в преступлениях иного рода, слишком часто отравляющих семейную жизнь, — в тех преступлениях, которые по своему характеру более мягки и менее зловредны и за которые благочестивая и чрезмерная строгость Константина установила смертную казнь. Они скоро заметили, что императорский двор измерял степень их усердия и пронизательности числом постановленных их трибуналами смертных приговоров. Они крайне неохотно постановляли оправдательные приговоры, а в таких наказаниях, которые носили на себе явные признаки клеветы или были добыты посредством пытки, они жадно искали улик в самых невероятных преступлениях против самых почтенных граждан. Из самых отдаленных частей Италии и Азии и молодые люди, и старцы приводились закованными в цепи в трибуналы римские и антиохийские. Сенаторы, матроны и философы умирали в позорных и жестоких пытках. Солдаты, поставленные на страже у тюрем, заявляли с ропотом сострадания и негодования, что по своей малочисленности они не в состоянии препятствовать бегству или неповиновению такого множества арестантов. Самые богатые семьи были разорены денежными штрафами и конфискациями; самые невинные граждане боялись за свою жизнь, и мы можем составить себе некоторое понятие

---

¹ Гонение, которому подверглись жители Антиохии, было вызвано преступным совещанием. Двадцать четыре буквы были разложены вокруг магического треножника; прикрепленное к его центру магическое кольцо указало первые четыре буквы в имени будущего императора — Ф.Е.О.Д. Феодор был казнен (может быть, вместе со многими другими, которым также принадлежали эти роковые буквы). Феодосий имел успех. (Г.)

о размерах этого бедствия из преувеличенного утверждения одного древнего писателя, что в провинциях, всего более пострадавших, арестанты, ссыльные и беглецы составляли большую часть населения¹.

Жестокосердие Валентиниана и Валента. 364–375 годы. Валент был характера робкого, а Валентиниан — желчного. Руководящим принципом в управлении Валента была тревожная заботливость о его личной безопасности. Когда он был простым подданным, он готов был целовать руку притеснителя с полным страха благоговением, а когда он вступил на престол, он считал себя вправе ожидать, что тот же самый страх, который поработал его собственный ум, доставит ему терпеливую покорность его народа. Любимцы Валента, пользуясь правом хищения и конфискации, нажили такие богатства, в которых им отказала бы его бережливость². Они с убедительным красноречием доказывали ему, что, когда идет речь о государственной измене, подозрение равносильно с доказательством, что способность совершить преступление заставляет предполагать намерение совершить его, что такое намерение не менее преступно, чем само действие, и что подданный недостоин жизни, если его жизнь может угрожать безопасности или нарушать спокойствие его государя. Валентиниана нетрудно было вовлечь в заблуждение, а его доверием часто злоупотребляли; но он ответил бы презрительной улыбкой на изветы доносчиков, если бы они вздумали поколебать его мужество указанием на опасность. Они восхваляли его непоколебимую любовь к справедливости, но при своем старании быть справедливым император был склонен считать милосердие за слабодушие, а гневную раздражительность за добродетель. В то время как он соперничал с равными себе на поприще честолюбия, Валентиниан редко оставлял безнаказанной обиду, но

---

¹ Жестокие преследования, происходившие в Риме и Антиохии, описаны и, очень вероятно, преувеличены Аммианом (Римская история, кн. XXVIII, гл. 1; кн. XXIX, гл. 1, 2) и Зосимом (Новая история, кн. IV, гл. 13–15). (Г.)

² Обвинение в корыстолюбии я перенес с Валента на его служителей. Жадность более свойственна министрам, чем монархам, в которых эта страсть обыкновенно гаснет вследствие того, что им принадлежит все. (Г.)

никогда не оставлял безнаказанными оскорбления; его могли упрекать в неблагоразумии, но все отдавали справедливость его мужеству, и самые гордые и влиятельные военачальники боялись прогневить этого бесстрашного солдата. После того как он сделался повелителем всего мира, он, к несчастью, позабыл, что там, где не встречается никакого сопротивления, нет никакой надобности в храбрости, и, вместо того чтобы руководствоваться правилами здравого смысла и великодушия, он давал волю своим бешеным страстям в такое время, когда они были унижительны для него самого и пагубны для незащищенных предметов его гнева. Как в делах своего домашнего управления, так и в управлении империей он немедленно наказывал смертным приговором за самую легкую или даже только воображаемую обиду, за одно опрометчивое слово, за случайную оплошность или невольное замедление. Из уст императора всего чаще слышались слова: «Отрубите ему голову; сожгите его живьем; бейте его, пока не издохнет»¹, а его любимые министры скоро поняли, что опрометчивая попытка отклонить или приостановить исполнение его кровожадных приказаний навлекла бы на них самих обвинения в преступлении и наказание. Частое удовлетворение такой свирепой любви к справедливости до того очерстило душу Валентиниана, что ей сделались недоступны чувства сострадания и жалости, а от привычки к жестокостям его гневные выходки сделались еще более свирепыми.

Их законы и правление. Но в минуты спокойного размышления, когда ум Валента не был волнуем страхом, а ум Валентиниана — яростью, эти тираны обнаруживали такие чувства или, по меньшей мере, так себя вели, что заслуживали названия отцов своего отечества. Тогда западный император был способен ясно понимать и как следует удовлетворять и свои собственные интересы, и интересы общественные; а император восточный, во всем следовавший с неизменной покорностью примеру своего старшего брата, был иногда руководим мудростью и добродетелями префекта Саллюстия. Оба монарха неизменно держались

---

¹ Жертвами его ярости были: мальчик, который слишком рано выпустил борзую собаку; оружейный мастер, который сделал полированные латы несколькими гранями легче, чем было приказано, и т. п. (Г.)

на престоле той целомудренной и воздержной простоты, которая была украшением их частной жизни, и во все время их царствования дворцовые развлечения никогда не вызывали краски стыда на лице их подданных и не стоили этим последним ни одного вздоха. Они мало-помалу уничтожили многие из злоупотреблений, вкравшихся в царствование Константина, с большим здравомыслием усвоили и усовершенствовали проекты Юлиана и его преемника и вложили в изданные ими новые законы такой дух и такое направление, которые были способны внушить потомству самое благоприятное мнение об их характере и системе управления. У невежественного солдата оказалось достаточно здравого смысла, чтобы основать полезные и либеральные учреждения для образования юношества и для поддержания приходившей в упадок науки. Он желал, чтобы в главном городе каждой провинции риторика и грамматика преподавались на греческом и латинском языках, а так как размеры и привилегии школы обыкновенно соразмерялись с важностью города, то академии римская и константинопольская заявили основательные притязания на особые преимущества. Отрывки из эдиктов Валентиниана по этому предмету дают нам некоторое понятие о константинопольской школе, которая была мало-помалу улучшена путем позднейших постановлений. Эта школа состояла из тридцати одного профессора по различным отраслям знаний: из одного философа, двух юристов, пяти софистов и десяти грамматиков для греческого языка, из трех ораторов и десяти грамматиков для латинского языка, кроме семи писарей, или — как их тогда называли — антиквариив, снабжавших публичную библиотеку чистыми и верными копиями классических произведений. Правила надзора, которым должны были подчиняться студенты, тем более интересны для нас, что они были зародышем тех порядков и дисциплинарных требований, которые существуют в новейших университетах. Студент должен был представить надлежащее свидетельство от должностных лиц той провинции, где он родился. Его имя, профессия и место жительства аккуратно заносились в публичные регистры. Учащемуся юноше было строго запрещено тратить свое время на увеселения или на театры, и его образование оканчивалось, когда он достигал двадцатилетнего возраста. Городскому префекту было дано право подвергать

ленивых и непослушных телесным наказаниям и исключать их из заведения; ему было также предписано ежегодно доставлять министру двора отчет об успехах и дарованиях учащихся, для того чтобы можно было с пользой помещать их на государственную службу. Учреждения Валентиниана способствовали тому, чтобы население наслаждалось благодеяниями мира и достатка, а для охранения городских интересов была учреждена должность *защитников*, которые в качестве народных трибунов и адвокатов назначались по выбору самих граждан; они защищали права этих граждан и излагали их жалобы перед трибуналами гражданских должностных лиц и даже у подножия императорского трона. Оба монарха, так давно привыкшие к строгой бережливости в управлении своим личным состоянием, относились с большой заботливостью к управлению государственными финансами; но в собирании и расходовании государственных доходов нетрудно было заметить некоторое различие между системами управления восточной и западной. Валент был того убеждения, что щедрость монарха неизбежно влечет за собой всеобщее угнетение, и поэтому не обременял народ налогами с целью доставить ему в будущем могущество и благосостояние. Он не только не увеличил налоги, которые в течение последних сорока лет почти удвоились, но в первые годы своего царствования уменьшил податное обложение Востока на одну четверть. Валентиниан, по-видимому, не обращал такого же внимания на лежавшее на народе бремя и не старался облегчить его. Он уничтожал злоупотребления в управлении финансами, но без всяких колебаний отбирал весьма значительную долю частной собственности, будучи убежден, что те суммы, которые расходуются частными лицами на роскошь, могут быть с большей пользой употреблены на оборону государства и на разные улучшения. Восточные жители, пользовавшиеся немедленным увеличением своих денежных средств, одобряли снисходительность своего государя; но солидная, хотя и менее блестящая, заслуга Валентиниана принесла свои плоды и была оценена по достоинству лишь при следующем поколении.

Валентиниан поддерживает веротерпимость. Но самой достойной уважения чертой в характере Валентиниана было непоколебимое и хладнокровное беспристрастие,

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА XXV

Управление и смерть Иовиана. — Избрание Валентиниана, который берет в соправители своего брата Валента и окончательно отделяет Восточную империю от Западной. — Восстание Прокопия. — Светское и церковное управление. — Германия. — Британия. — Африка. — Восток. — Дунай. — Смерть Валентиниана. — Его два сына, Грациан и Валентиниан II, получают в наследство Западную империю 5

ГЛАВА XXVI

Нравы пастушеских народов. — Движение гуннов от Китая к Европе. — Бегство готов. — Они переходят Дунай. — Война с готами. — Поражение и смерть Валента. — Грациан возводит Феодосия в звание восточного императора. — Характер и успехи Феодосия. — Заключение мира и поселения готов 63

ГЛАВА XXVII

Смерть Грациана. — Уничтожение арианства. — Святой Амвросий. — Первая междоусобная война с Максимом. — Характер, управление и покаяние Феодосия. — Смерть Валентиниана II. — Вторая междоусобная война с Евгением. — Смерть Феодосия 121

ГЛАВА XXVIII

Окончательное уничтожение язычества. — Христиане вводят у себя поклонение святым и мощам 162

ГЛАВА XXIX

Окончательное разделение Римской империи между сыновьями Феодосия. — Царствование Аркадия и Гонория. — Управление Руфина и Стилихона. — Восстание и поражение Гильдона в Африке 178

ГЛАВА XXX

Восстание готов. — Они грабят Грецию. — Два нашествия Алариха и Радагайса на Италию. — Они отражены Стилихоном. — Германцы вторгаются в Галлию. — Узурпация Константина на Западе. — Опала и смерть Стилихона 199

ГЛАВА XXXI

Вторжение Алариха в Италию. — Нравы римского сената и народа. — Рим осажден три раза и наконец разграблен готами. — Смерть Алариха. — Готы удаляются из Италии. — Падение Константина. — Варвары занимают Галлию и Испанию. — Независимость Британии 236

ГЛАВА XXXII

Царствование восточного императора Аркадия. — Управление и опала Евтропия. — Восстание Гайны. — Преследование святого Иоанна Златоуста. — Вступление на престол Феодосия II. — Его сестра Пульхерия. — Его жена Евдокия. — Персидская война и разделение Армении 291

ГЛАВА XXXIII

Смерть Гонория. — Западный император Валентиниан III. — Управление его матери Плацидии. — Аэций и Бонифаций. — Завоевание Африки вандалами 320

ГЛАВА XXXIV

Характер, завоевания и двор царя гуннов Аттилы. — Смерть Феодосия Младшего. — Возведение Маркиана в звание восточного императора 336

ГЛАВА XXXV

Вторжение Аттилы в Галлию. — Он отражен Аэцием и вестготами. — Аттила вторгается в Италию и очищает ее. — Смерть Аттилы, Аэция и Валентиниана Третьего 361

ГЛАВА XXXVI

Разграбление Рима царем вандалов Гензерихом. — Его морские разбои. — Последние западные императоры: Максим, Авит, Майориан, Север, Антемий, Олибрий, Гликерий, Непот, Августул. — Существование Западной империи окончательно прекращается. — Царствование первого варварского короля Италии Одоакра 388

ГЛАВА XXXVII

Происхождение, развитие и последствия монашеской жизни. — Обращение варваров в христианство и в арианство. — Гонения, возбужденные вандалами в Африке. — Уничтожение арианства между варварами 434

ГЛАВА XXXVIII

Царствование Хлодвига и его обращение в христианство. — Его победы над алеманнами, бургундами и вестготами. — Основа-

ние франкской монархии в Галлии. — Законы варваров. — Положение римлян. — Вестготы в Испании. — Завоевание Британии саксами. 469

ГЛАВА XXXIX

Восточные императоры Зенон и Анастасий. — Происхождение, воспитание и первые подвиги остгота Теодориха. — Он нападает на Италию и завоевывает ее. — Готское королевство в Италии. — Положение Запада. — Военное и гражданское управление. — Сенатор Боэций. — Последние дела и смерть Теодориха. 524

ГЛАВА XL

Возведение на престол Юстина Старшего. — Царствование Юстиниана. — I. Императрица Феодора. — II. Партии цирка и мятеж в Константинополе. — III. Торговля и шелковые мануфактуры. — IV. Финансы и подати. — V. Воздвигнутые Юстинианом здания. — Церковь Святой Софии. — VI. Укрепления и границы Восточной империи. — VII. Упразднение афинских школ и римского консульства 552

ГЛАВА XLI

Завоевания Юстиниана на Западе. — Характер Велисария и его первые походы. — Он нападает на Вандальское королевство в Африке и завоевывает его. — Его триумф. — Война с готами. — Велисарий отнимает у них Сицилию, Неаполь и Рим. — Осада Рима готами. — Их отступление и потери. — Взятие Равенны. — Слава Велисария. — Его семейные несчастья и позор. 606

ГЛАВА XLII

Положение варварских стран. — Поселение лангобардов на Дунае. — Славянские племена и их нашествия. — Происхождение турок, их могущество и посольства. — Бегство авар. — Персидский царь Хосров I, или Ануширван. — Его благополучное царствование и войны с римлянами. — Война в Колхиде, или Лазике. — Эфиопы. 678

ГЛАВА XLIII

Восстания в Африке. — Тотила восстанавливает владычество готов. — Рим взят готами и снова отнят у них. — Окончательное покорение Италии Нарсесом. — Слава остготов совершенно угасает. — Поражение франков и алеманнов. — Последняя победа, опала и смерть Велисария. — Смерть Юстиниана и его характер. — Кометы, землетрясения и моровая язва 714

ГЛАВА XLIV

Очерк римской юриспруденции. — Законы царей. — Двенадцать таблиц децемвиров. — Законы, утверждавшиеся народом. — Де-

креты сената. — Эдикты должностных лиц и императоров. — Авторитет юристов. — Кодекс, Пандекты, Новеллы и Институции Юстиниана. — I. Личные права. — II. Имущественные права. — III. Личные обиды и иски. — IV. Преступления и наказания..... 757

От составителя 824